

Евгений Перемышлев

Эхо Кривого переулка

Переулочек в одном из рассказов Катаева назван Кривым. Откуда взялось это имя? Прикинул на глаз или выдумал? Переулочек и впрямь – кривоват. И на старом плане Москвы обозначен и точно – Кривой. Но этот план, уверен, автор и видеть не видел, а памятливых старожилов из тех, что бы помнили – чего оно там на плане значилось полвека с лишком назад, – не осталось. Времени, да какого, год за три, за шесть, минуло чересчур, старожилов (когда и были, то уж наверное юнкера Военно-топографического училища, в иных, кроме плана, источниках это имя не фигурировало) позабыли и собственные имена: столько воды утекло, можно наполнить с верхом бассейна для школьного задачника. Переулочек теперь звался Мыльниковым, и здесь в доме № 4 обосновался Катаев, с женой, домработницей и транзитными одесситами, решившими взять столичный город в полон.

Обитатели квартиры 2а, но особенно – двух комнат, где ответственным квартиросъемщиком был гр. Катаев В.П., род. 1897 г., литератор, жили по собственному разумению, личному распорядку, накопленным привычкам, даже темы разговоров и манера шутить были тут свои, мемуаристка, не раскрывая подробностей, назвала это «фольклором Мыльникова переулочка». Между тем манера небезынтересна, и кроме всякого-якого для нее характерны языковое мерцание, унаследованное из одесского языка, равно – и образность, построенная зачастую на лексике и понятиях специфических, оттого улавливаемых не каждым, а и уловленных, ошибочно интерпретируемых и толкуемых.

Хотя бы и так. Концессионеры бриллиантовых россыпей мадам Петуховой томятся, рассматривая через окно жесткого вагона, похожего на фанерный ящик из-под гильз для папирос, еле тянущийся влево и назад пейзаж. До первопрестольной остается еще час езды, час, мучительный и для усердного пассажира. Анекдоты давно рассказаны, еда съедена до основания (в сухом остатке цыплячьи косточки, белесо-чернильные ядра маслин да разбитая вдребезги яичная скорлупа, прозрачная, словно осколки мейсенского фарфора), единственная газета от корки до корки изучена и замаслена насквозь. Благо пейзаж иногда сменяется. Остап Бендер указывает на двухэтажный дом и говорит, что это дача Медикосантруда, где он жил в прошлый сезон, *вы разве медик*, – без интереса любопытствует Воробьянинов, *я буду медиком*, – отвечает технический руководитель концессии.

Собеседник, не исключено, что грезящий о своем, таким ответом удовольствовался. Но это бывший уездный предводитель дворянства, которому застлал глаза бриллиантовый дым. Настоящие филологи знают: слово не воробей, упустишь – лови-свищи, и бьют его на взлете сразу из двух стволов, тушку потрошат, начинают ватой, шия внахлест через край, выставляют чучело не совы, но птицы, как охотничий трофей. Любуйтесь! По разумению Д. Фельдмана и М. Одесского, составивших объемные толкования к роману, «медик» есть «лепила», а «лечить» и «лепить» на том же самом «воровском жаргоне» означает «лгать» и «обманывать». Уважаемые доктора наук, правда, увы, не медицинских, «лепят горбатого», должно быть, зачарованные созвучием «врач» и «врать». Но в целом вектор шутки ими прослежен. Не стану отсылать почтенных толкователей к словарям Трахтенберга либо Потапова, за отсутствием у многих слуха на мелодии «блатной музыки», отошлю к источнику гармоничнее. В первом действии пьесы «Интервенция», увидев хозяйку банкирского дома Ксидиас, негоциантку, владеющую складами, верфями и, я вас умоляю, чем еще, налетчик Филипп восхищенно бормочет: *Ах, какая гагара! Какая богатая гагара!* – и добавляет: *Ох, мадам Ксидиас, будете вы моей пациенткой!* Тот, кто смотрел на театре ли, в синематографе, либо читал

с листа историко-революционную пессимистическую комедию Льва Славина, помнит, Филька-анархист мадам таки вылечил от излишних материальных ценностей, на то и «доктор» (слово также присутствует в надлежащих изданиях, обращаться к которым почтенным толкователям не советую, дабы избежать ложных и досадных ассоциаций).

Что делать, «блатная музыка» играет не для всех. Ее аккорды иногда гремят какофонией, иногда звучат совсем piano, иногда, как в симфонии № 45 фа-диез минор Гайдна, просто – кочумай и туши свечи. А ведь юмор «made in Мыльников переулок», построенный на таких играх смыслом и языком, отпечатлелся в литературе. Более того, значительные эпизоды романов «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» без разумения правил такой игры обесмысливаются.

Хотя бы и этот. Бендер идет за стульями, проданными с аукциона, в Варсонофьевский переулок. Но еще до его появления в квартире 17 (о номере дома остается догадываться, тот не назван, похоже, что не с пуста) авторы дают краткий очерк пристрастий и деяний – нотабене! – не Элочки-людоедки, как заведено ее именовать, а «людоедки Элочки» (словосочетание вынесено в название главы), описывают комнату, где она живет. И упоминают, между прочим (именно – между всяким и разным), такую деталь: «Если рассмотреть фотографии Элочки Щукиной, висящие над постелью мужа – инженера Эрнеста Павловича Щукина (одна – анфас, другая в профиль), то нетрудно заметить...». Не женские прельстительные стати (поди разгляди их в столь мелком существе), но важность этой детали заметил (о чем известил читающую публику), кажется, единственный А.Д. Вентцель, истолковав, опять-таки, превратно: дескать, анфас и профиль снимают тех, кто подвергается тюремному заключению. И вместо решения предложил догадку – не аллюзия ли это из «Гамлета», весь мир так и остался себе тюрьмой.

Но другой персонаж, более известный, чем датский принц-бесприданник, утверждал: видит не тот, кто смотрит, а тот, кто понимает, по крайней мере не спешит с выводами, анализируя подробности. Ведь материал для изучения налицо, далее романисты дают словесный портрет означенной дамы: «...лоб

приятной высоты и выпуклости, большие влажные глаза, милейший в Московской губернии носик с легкой курносостью и подбородок с маленьким, нарисованным тушью, пятнышком».

Охарактеризован также рост (в сопоставлении) и отмечено под конец: «Что же касается особых примет, то их не было». Подобные описания, по другой терминологии – антропометрические данные, используют в личной карточке того, кто числится в картотеке правоохранительных органов, сюда бываюи приложены и фотографии гражданина или гражданки – анфас и в профиль. Не очень ловко, как-никак дебют, авторы пытаются растушевать шутку об особых приметах, диссонирующую с респектабельной формой европейского плутовского романа: «Элочка и не нуждалась в них. Она была красива».

Однако из «блатной музыки» не вынуть ни аккорда, ни словца – их так мало, что каждое на счет. Елена Щукина, она же – Элочка, в повседневной жизни обходилась тридцатью языковыми компонентами, *придирчиво выбранными ею*, – подчеркивают авторы, – *из всего великого, многословного и могучего русского языка*. Этих слов, словосочетаний и междометий с лихвой хватало, чтобы выразить отношение к предметам, лицам и явлениям, поддержать беседу, истребовать необходимое. Русский язык, согласимся, крайне многословен, изнемогает и заговаривается от обилия синонимов, потенциальных конструкций, разнообразия приставок и флексий. *Идиотский жаргон*, – как называет муж Элочки ее словесный запас, сжат объемом, но действен, энергичен, существительные вроде «жуть» и «мрак» способны выполнять функцию междометия, а то и глагола. Задача этого «жаргона» подавить собеседника и утвердить самость говорящего, с чем «жаргон» превосходно и справляется, пусть для племени мумбо-юмбо такого количества лексических единиц маловато. Соавторы, взращенные Мыльниковым переулком, выстраивают не параллель, а сближение, насмешничают. Лет через пять, когда в печати, весьма специальной, появится статья Д. Лихачева «Черты первобытного примитивизма воровской речи», шутка из затаенной стала бы явной, но статья опубликована была в источнике слабодоступном, а роман «Двенадцать стульев» к тому времени сделался едва не бестселлером.

Кстати, присущий «блатной музыке» прагматизм (информативность, по определению знатока) наличествует у Элочки в полной мере. «Парниша» является производным от существительного «парень», то бишь не только «молодой человек» или «нестарый мужчина», а еще и «неженатый молодой крестьянин», равно «юноша, принадлежащий к неимущим классам», по дореволюционным понятиям (роман сочинялся к десятилетию революции, когда прежние значения не выветрились окончательно). Элочка между тем и рассматривает всех мужчин в качестве потенциального супруга, отсюда языковой нюанс в комментариях романистов к ее словарю: ехать на авто она предлагает «знакомым мужского пола», мужу бывает предложено ехать на извозчике. То, что гендерная стратификация воспринимается Элочкой как имущественно-финансовые связи, можно при желании разглядеть и во фразе: *мрачный муж пришел*, коей она встречает супруга, ведь «муж», по изводу «блатной музыки» второй половины тридцатых годов, «сожитель, который материально помогает своей подруге».

Эрнест Павлович Шукин, этот супруг, объевшийся кислых груш и прочих неудобоваримых предметов, создающих в желудке отвратительную тяжесть, как ни странно, почувствовал и специфику Элочкиного словесного запаса, и прагматику ее речений, споря, он использует другую лексику, но держится тех же смысловых ориентиров: взятки он не берет, деньги не крадет и не подделывает.

Он пока не осознал, с кем связал жизнь, однако начинает мутно догадываться. И только беспризорный, посланный Бендером, чтобы отследить путь купленных с аукциона стульев, знает это наверняка. *Шикарная чмара*, – аттестует тот Элочку. И прав. О деревне Чмаровка, название каковой построено на заимствованном из «блатной музыки» словце «чмара», также и «шмара» (в данном случае, представляется, словесная оболочка тянется не столько к регулярности норматива, сколько к расподоблению благозвучия ради), мне доводилось писать. С того момента смысл его не изменился.

Нет, нет – Элочка не блатная, не приблатненная, и «шмарой» в глубоком и тесном, классическом значении термина не является,

хотя зададим философский вопрос – что есть сожитительство женщины с мужчиной для удовлетворения своих материальных потребностей, когда не проституция? Но игра смыслом и языком, характерная для упомянутой манеры шутить, определяет действия персонажа, его так называемые психологию, мышление и речь. Это легко увидеть по тому, как завершается диалог Элочки и Эрнеста Павловича Щукина. Сработал механицизм «блатной музыки», что во многом напоминает додекафонические опусы «новых венцев». Шенберг, думаю, или Берг, или Веберн не слишком бы удивились такому сближению. Итак, Элочка хочет сказать что-то важное, а из уст ее исторгается механическое: *у тебя вся спина белая*. Давний анекдот запечатлел аналогичную ситуацию, разыгранную на близком материале. Уркан отмотал срок и выходит за железные ворота исправительного заведения номер этакий. Солнце греет, летают бабочки, синеют небеса. Он видит – маленькая девочка на лужайке разговаривает с куклой. Опыяненный радостью свободы уркан подходит к ней, гладит по головке и сипит умильно: «Балдеешь, падла?».

Но занятнее всего в драматическом сем диалоге Щукиной и Щукина заключительная реплика Элочки. *Поедешь в таксо? Кр-расота*, – говорит она. Жаргон ее по-своему и выразителен, и очень точен. Жизнь с мужем кончена, Эрнест Павлович Щукин становится посторонним мужчиной. И реплика, адресованная ему, запечатлевает перемену статуса: «в таксо», а не «на извозчике».

О взаимоотношениях этих персонажей можно судить по фамилиям, лишь кажущимся родственными и схожими. Фамилия инженера не только прочитывается как «щукин сын» (малый пуант юмора из переулка), фамилия его указывает на полную зависимость, подчиненность носителя. Щука, без вариантов, представляется существом женского рода, и, по логике языка, Щукина – к семейству щук принадлежащая, его представительница, а Щукин – принадлежащий щуке, ее собственность, достояние, добыча. Может стать, потому авторы и вычеркнули из текста фразу: *заняла общественное положение домашней хозяйки – Щукинши*. Сколь осмысленно или по наитию было это сделано? Мелочи, тотальные пус-

тяги, языковые шарады и логогрифы, и впору, и по плечу В. Набокову. Соавторы первый роман сочиняли в известной спешке, следы которой обнаруживаются на каждой странице, им не до пустяковых тонкостей.

Тем не менее частности быта, не улавливаемые современным читателем, вызывают у романистов саркастические улыбки. Спасая семейный бюджет, Эрнест Павлович Щукин героически «выносил мусор и даже жарил котлеты». Инженер, он самолично «разводил примус», устройство абсолютно примитивное, хотя не без дурных замашек, более того, Эрнест Павлович Щукин «отказался от прислуги». Надо отметить, что девушки, бежавшие из взбаламученной и разоренной деревни в город, нанимались прислужкой на любых условиях, часто – за кров и еду. Инженер, скорее всего, и не отдавал себе в том отчета. Ведь не обратил он внимания, что письменный стол после раздела мебели на Варсонофьевском должен снести по лестнице и водрузить на извозчика дворник в одиночку. Эти штрихи, не такие эффектные, как, например, словарь Элочки, но выразительные и такие важные для понимания эпизода в целом, тоже часть фольклора с Чистых прудов, из переулка с причудливым искривленным названием.

Возвращаясь туда, замечу: определенная разноречивая зыбкость присутствует не в одном фольклоре, но и в названии переулка, где обитал Катаев с домочадцами и иже с ними. Топонимические справочники утверждают, будто переулок этот получил название по фамилии когдатошнего домовладельца. Возможно, и даже весьма. Но кто знает какого-то владельца дома, когда ни его, ни строения давно и в помине нет, а слово «мыльня» бытует и вне словарей. Значение подходящее, где как не в бане завязывается беседа на темы пестро-занятные, а шутки, громогласные и обильные, имеют своеобразный оттенок. Справочники, однако, утверждают: бань тут не было никогда. Согласиться бы, да вот речка, загнанная потом в трубу, а раньше дотекавшая до самого берега Москвы-реки, аккурат возле Воспитательного дома, имела. Даровая вода – пожалуйста. И только ли от выкинутых туда отходов бойни, что у Мясницких ворот, пруды назывались до поры до времени Погаными?

Теперь и Мыльникова переулочка нет, вместо него пролегает улица Жуковского. Думаете, того самого, что выдохнул: *поэзия есть бог в святых мечтах земли*, за что ему благодарные жители уездного города N воздвигли бюст, с обратной стороны которого волшебным образом еженощно появляется краткое и унижительное слово? Полноте, бывший переулок возведен в ранг улицы и поименован к пятидесятилетию со дня смерти основоположника русского самолетостроения. Того, старанием какового мы рождены, чтоб сделать былью сказку, приставив стальные крылья и в грудь водрузив пламенный мотор, будто в хрестоматийных стихах о пророке, застигнутом в пустыне врасплох.

Но так ли далек фольклор Мыльниковой переулочка от сказок и былей эпохи индустриализации? Сиамские кузены: летчики-налетчики.

